

НА БЕРЛИН!

Рассказ

1.

Шестилетний Андрейка сидел на склоне холма и замороженно смотрел вниз на дорогу, по которой вот уже второй день нескончаемым потоком шли и шли солдаты в сторону солнечного заката. Андрейка был не один. Рядом с ним примостился его закадычный дружок Вовка, который, как и он, с восторгом и страхом наблюдал за перемещением мощной техники. Танки, самоходки, тягачи с пушками, грузовики со снарядами, минами и патронами — все это двигалось с ужасающим ревом, лязгом и грохотом, от чего пацанятам заложило уши, и они теснее прижимались друг к другу. Благоговейный трепет охватывал мальчишек, когда над ними на низкой высоте проносились эскадрильи истребителей с красными звездами на крыльях. Но, несмотря на непрекращающийся грозный шум, пацанятам иногда удавалось перебраться между собой отдельными фразами.

— Андлейка, глянь, глянь, танка какая! — в полном восторге кричал в ухо другу Вовка. — Ух, силища, ну и силища, скажи, Андлейка!

— Ага, силища! — орал в ответ Андрейка.

— И куда их стоко, а?

— Туда, — кивнул Андрейка в сторону садящегося за горизонт солнца.

— Сплосить бы, а?

— Спроси.

— Не, я боюсь, ты хлаблее меня будешь.

— Ладно, — важно согласился Андрейка и, поднявшись с травы, закричал во все горло в сторону проходящей колонны: — Дядьки, вы куда это шлепаете, так много вас?

— На Берлин шлепаем, пацанва, на Берлин! — засмеялись в колонне. — Супоста Гитлера идем ловить, что вам и не снился. Вот поймаем чудище да к вам привезем в клетке, покажем и другой зоопарк вместе с ним прихватим.

— А и не страшно вам?

— Не, пацанва, не страшно уже. Теперь ему, чудищу, страшно, вона как драпает от нас, только пятки сверкают.

— Где драпает, где сверкают? — заозирались по сторонам мальчишки.

— Далеко впереди, не видать уж отсюда, — вновь раздался взрыв хохота.

— А далеко ли до Берлина этого еще шлепать?

Дмитрий Павлович Воронин родился в 1961 году в г. Клайпеде Литовской ССР. Сельский учитель. Член СПР. Автор трех книг прозы. Лауреат премии А. Куприна. Лауреат издания «День литературы» (Москва). Публикации в журналах «Нева», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Север», «Подъем», «Сибирь», «Дон», «Простор», «Огни Кузбасса» и многих других. Участник 45 альманахов и прозаических сборников в России и за рубежом. Проживает в п. Тишино Калининградской области.

- Кому как, вам далеко, а нам уже близко, — прозвучало в отдалении.
- На Берлин они идут, слышал? — обернулся Андрейка к другу. — За чудисцем Хитлиром.
- Слышал, — кивнул Вовка, — на Белин за Хитлилом.

2.

Колхозный газик остановился у ворот председателева дома.

— Утром в шесть тридцать чтоб тут уже стоял. Нам завтра в район опоздать никак нельзя, в восемь надо быть на месте, кровь из носу. Важная встреча там с московскими гостями, нужно кое-что обсудить до совещания, — обратился к шоферу председатель колхоза, вылезая из машины.

— Буду, как штык, вовремя, Андрей Степанович. Не волнуйтесь, успеем к восьми, да еще с запасом. Вы ж меня знаете.

— Ладно уж, езжай домой спать.

Председатель подошел к калитке и в задумчивости остановился. Постояв так несколько минут, он достал из кармана рубашки пачку сигарет «Друг» и закурил.

— Что домой не спешишь, Андрей? Все в заботах, в думах об урожае да о выполнении-перевыполнении, — прозвучал из темноты насмешливый голос.

— Вовка, ты? — повернул голову в сторону соседского дома Андрей Степанович. — Подойди сюда, дело есть.

— Ну что там за дело может быть у председателя к простому колхознику, — ощерился Вовка, подойдя к другу детства. — Не было ничего, а тут дело. Прямо заинтриговал.

— Да понимаешь, Вовка, мысль одна уже несколько лет покоя не дает. Вот хочу посоветоваться, — сделал последнюю затяжку Андрей Степанович и притоптал окурочок.

— Несколько лет, говоришь? Это серьезно, видать. Давай выкладывай, что там тебя гложет столько времени? — присел Вовка на лавочку у председателевых ворот.

Рядом пристроился и Андрей Степанович.

— Помнишь, Вовка, те несколько летних дней, когда мимо нашего села солдаты на фронт шли и техника двигалась нескончаемо? А мы с тобой сидели на взгорке и все высчитывали, сколько ее мимо нас проезжало. Да постоянно сбивались, счета нашего для этого не хватало, в школу-то только по осени мне идти предстояло, а тебе так и вовсе через год.

— Помню, как не помнить, — улыбнулся Вовка. — Такое не забудешь, силища какая!

— Ну и я про то.

— Про танки?

— Про память.

— А что память? Помним же, сам видишь. Или забывать что стал? — покосился на друга Вовка.

— Я нет, а вот другие... — вновь вытащил из кармана сигарету Андрей Степанович.

— И мне дай, — протянул руку за куревом Вовка. — Так что другие? Другие вроде тоже не забывают.

— Это сегодня не забывают. А завтра, а послезавтра, когда никого уже из тех, кто видел войну, не останется? И даже нас, что тогда несмышленными мальцами были.

— Ну, так фильмы, книги, музеи, памятники. Это-то никуда не денется, — пожал плечами Вовка.

— Да понятно, что никуда не денется. Но я про память тутошнюю, про нашу с тобой память, память наших с тобой потомков, внуков, правнуков.

— Не пойму я что-то тебя, Андрей. К чему ты клонишь?

— А вот к чему, — положил руку на плечо друга Андрей Степанович. — Ты же знаешь, что у нас в Ермаково памятника героям войны нет и не предвидится. Боев тут активных не было, всех, кто рядом тогда погиб, в райцентре схоронили в братской могиле. Там и памятник воздвигли. А у нас нет. И если бы мы даже и захотели, денег под это дело тоже нет. Колхоз-то, сам знаешь, от урожая к урожаю. Лишняя копейка на жильё, да на школу с садиком, плюс клуб, плюс библиотека, плюс развитие, свет там провести по улицам и прочее разное. А памятник — дело дорогое, тут и скульптор, тут и материалы, и работы особые. Такое потянуть не каждому крепкому хозяйству по силам, а нам тем более.

— Ну и что ты предлагаешь? — Вовка ощутил внутри себя неожиданно разливающийся жар.

— А что если самим поставить, без всяких там скульпторов и разрешений.

— Как? Где? — оживился Вовка.

— Где? А там, на нашем перекрестке, который за селом в сторону бывшего кулацкого хутора выводит. Там, где мы с тобой мальцами на пригорке солдат на Берлин провожали. Вот посреди него и установим. Дорога в этом месте закругление делает, и внутри как бы островок неезженный образовался, вот на том месте и поставим.

— Так денег же нет, сам говорил.

— А денег и не надо, так если, на материалы чуток. Мы поставим простой памятник, даже скорее памятный знак, что-то в виде обелиска. Из кирпича сложим высотой метра на три, оштукатурим, побелим, посреди копию ордена Отечественной войны прикроем и надпись напишем, придумать вот только надо.

— Да что тут придумывать, — от волнения Вовка даже привстал, — «На Берлин!» И все понятно, ясно все.

— Точно, Вовка, «На Берлин!».

— А кто орден сделает?

— Петьке-кузнецу накажем, он мастер классный, откует, что настоящий, а может, и получше даже.

— Андрей, а ты не боишься?

— Кого?

— Начальства своего. Они и по шапке надавать могут. И не одобрить.

— Могут, — согласился Андрей Степанович, — но мы им об этом и не скажем. Сами все за день-два сделаем, не велика хитрость. А потом пусть попробуют сломать. У кого на памятник Победе рука поднимется? Не самоубийцы же. Да и место там такое, не особо начальство и ездит по той дороге, угол-то медвежий.

— Ну, доброхоты-то найдутся, чтоб донести, сам знаешь.

— А и пусть, главное — поставить, а там пусть доносят, — улыбнулся Андрей Степанович.

— Здорово, Андрюха, правильная затея!

— Да, Вовка, правильная. И подарок нашим односельчанам к тридцатилетию Победы. Будет куда матерям да вдовам цветы положить, а нашим правнукам где голову склонить.

3.

На школьной линейке, посвященной вхождению Крыма в состав России, завуч по воспитательной части торжественно вещала в микрофон.

— Но кроме Крыма, как вы, надеюсь, знаете, наша страна в очередной раз отмечает в этом году и другие славные праздники. Это такие героические страницы нашей истории, как освобождение блокадного Ленинграда из долгого девятистодневного голод-

ного плена. Нам не дано понять, как люди выжили, получая сто двадцать пять граммов хлеба в сутки. Некоторым из вас не мешало бы испытать такое на себе, а то никакой памяти не сохраняете. Даже на линейке постоять тихо десять минут некоторые не могут, что тут говорить о подвиге. Но есть и другие великие даты в этом году. Это освобождение от фашистских захватчиков Вены и Праги, Будапешта и Варшавы, Софии и Берлина.

— Виктория Альбертовна. Берлин — немецкий город, столица Германии, его брали, а не освобождали, — раздался голос из кучки девятиклассников.

— Киреев, самый умный, что ли? — тут же среагировала завуч на замечание в свой адрес. — После линейки со мной к директору. Там ум свой покажешь и расскажешь, кто тебя научил старших перебивать и срывать важные мероприятия.

— Вот, Юлия Владимировна, полюбуйтесь на этого субчика, — отпустила запястье провинившегося ученика завуч, войдя в директорскую. — Все нервы мои измотал, я с ним инфаркт скоро получу. Чуть не сорвал торжественную линейку сейчас. Перебивает меня, слова не дает сказать. Ну куда это годится? Совсем уважение к старшим потеряли. Надо срочно принимать какие-то меры, пока окончательно на голову нам не сел. И пример другим каков, а?

— Что опять, Киреев? — уперлась тяжелым взглядом в ученика тучная директриса, медленно и грозно поднимаясь из-за стола.

— А чего Виктория Альбертовна путает? Говорит, что Берлин освободили, а его не освободили, а взяли штурмом на...

— Молчать! — побагровев, рявкнула директорша. — Мал еще, сопляк, старшим указывать, чего там взяли, чего освободили. Сначала дорасти до возраста Виктории Альбертовны, а потом рот свой открывай.

— Вот видите, — негодующе встряла завуч, — как с таким можно разговаривать? Привыкли всей семьей командовать. Прадед у него, вишь ли, герой-председатель. Кончились давно те времена, когда он в авторитетах был, как и колхоз его кончился. Теперь-то он кто? Да никто. Пенсионериска простой, пшик, да и только. Ан нет, гонор-то свой весь по наследству передал, вот и получаем теперь результаты налицо.

— Ничего, мы ему этот его гонор наследственный мигом пообломаем. Характеристику такую оформим, в тюрьму не возьмут. Слышишь ты, чучело? Вика, вызывай инспектора по делам несовершеннолетних, пусть на учет ставят.

4.

Свинокомплекс решили построить рядом с кулацким хутором. Инвестор долго выбирал среди разных вариантов и остановился на участке земли рядом с Ермаково. Место подошло практически по всем параметрам. Областной центр в ста километрах, свиней возить не накладно. До райцентра неблизко, вонь с комплекса до чиновников не дойдет. Речка рядом, экономия на очистных сооружениях. Газопровод проведен, электро-мощности в достатке, местная рабсила по дешевке. Ну и главное, дороги есть. Все хорошо, все ладно. Только один недостаток — перекресток. Вернее, не сам перекресток, а странный знак по его центру с прикрепленным орденом Отечественной войны и надписью «На Берлин!». Уж больно этот знак движению мешал, большегрузные самосвалы еле разворачивались в этом месте. Но пока шло строительство объекта, с несурзным памятником еще как-то мирились. Однако стройка закончилась, и оказалось, что проблема с движением стала и вовсе не разрешимой. Длинные фуры разворачиваться на этом участке не смогли.

— Аркадич, а с этим что делать будем? — кивнул в сторону памятника хозяин свинокомплекса, обращаясь к главе района. — Мешается тут на дороге, ни проехать, ни пройти.

— Да ломай его к чертовой матери, и дело с концом! — отмахнулся Баталов. — Не шедевр, самопал кирпичный, никакой исторической ценности.

— А народ возбужать не станет? Нам лишний шум сейчас не нужен совсем — открытие через неделю. Уже все крутится — заказы, поставщики, поросят через пару дней завозить начнут. Любой сбой — колоссальные убытки. Нам они нужны? Ручаешься за спокойствие?

— Ломай, я сказал, — уверенно повторил Баталов, — народ — моя забота. Успокойм, если что. Кого водкой, кого баблом, кого мордой о стол. Нам не впервой, опыт большой за плечами. Я не через одни выборы прошел, всяких технологий набрался, больше тридцати лет у власти, так что мои гарантии железные. Ломай.

— Уважуха, Аркадич, — пожал бизнесмен руку Баталова, — мы с тобой сработаемся, я сразу это просек, как только познакомили нас. Ты деловой человек, без всяких там муси-пуси. Уважуха.

— Только снесите ночью, чтоб утром и следа не было.

— Заметано, — улыбнулся хозяин свиней, — нам тоже не впервой. И не такое ради дела сносили.

5.

— Дед Андрей, дед Андрей! — как ураган, ворвался в дом правнук Андрюшка. — Там такое, такое!

— Ну что там еще такое? — прокряхтел старик, доставая из буфета банку с вареньем. — Война, что ли?

— Хуже! — перевел дыхание Андрюшка. — Там памятник снесли.

Сердце старика куда-то нырнуло, и все тело моментально покрылось липким потом.

— Какой памятник?

— Наш памятник — «На Берлин!». На перекрестке...

Осколки от банки разлетелись по всей кухне, а варенье обрызгало буфет, штаны старика и растеклось по полу.

6.

Собравшиеся у перекрестка сельчане громко негодовали и заседали со всех сторон на главу района.

— Ну как же так, Валентин Аркадьевич, что же это такое происходит? Они же наш памятник снесли, память нашу порушили!

— Успокойтесь, граждане, успокойтесь, — выставлял ладошки навстречу возмущенной толпе стриженный под ежик, небольшого росточка, щекастый начальник. — Все под контролем, ничего страшного не произошло. Все в нормальном процессе.

— В каком еще процессе? Под каким контролем? Как это ничего страшного? Да вы соображаете, что говорите?! Они памятник наш снесли, а вы — ничего страшного! И снесли-то как! Ночью, тайком, будто воры.

— Ну это вы уже палку-то совсем перегнули. Какие еще воры? Все по плану. Работы идут в авральном режиме, сами знаете, открытие через несколько дней. Губернатор приедет, гостей из Москвы ждем, обещает министр сельского хозяйства прилететь, а тут такое.

— Что — такое?

— Ну, памятник этот ваш. Он же дорогу напрочь блокирует, ни одна фура не пройдет.

— А сейчас пройдет? А на-ка выкуси! — перед носом Баталова появилось сразу несколько фиг. — Мы сейчас дорогу и вовсе перегорим, ляжем тут, и черта с два вы нас отсюда отколупаете. Ну если только бульдозером.

— Мужики, бабы, ну чего вы ерепенитесь! Вам же как лучше делают. Работы у вас не было, теперь будет. Свет по поселку проведут, магазины откроют, у школы стадион обновят, детскую площадку...

— Чего ты нам тут заливаешь про радости жизни, не врубаешься совсем, они ж памятник завалили! Все, бастуем, мужики!

— Ну вот что, граждане, — перешел на крик и Баталов, — хватит уже! Что вы тут угрозы строите, на неприятности нарывааетесь! Вон, видите, там автобус в стороне с тонированными стеклами стоит. Росгвардии с дубцами вам не хватает? Сейчас устроим. Сказано вам — порешаем проблему, нечего тут митинги устраивать, людей будоражить.

Ермаковцы, прослышав о Росгвардии, чуть поутихли и с опаской стали оглядываться на пятнистый автобус, одиноко стоявший на обочине. Почувствовав перемену настроения митингующих, Баталов уже уверенным голосом продолжил:

— И памятник ваш никуда не денется. Вернем вам его в прежнем виде. Вот только стоять он будет не на середине дороги, а вон там, на взгорке. И видно хорошо, и транспорту не помеха.

— Когда поставите? — толпа успокоилась.

— В течение месяца, обещаю.

7.

На открытие свинокомплекса с утра съехалось все районное начальство, к обеду через перекресток промчался кортеж губернатора вместе с прибывшим из Москвы министром сельского хозяйства.

— Да, круто, — дивились такому количеству гостей сельские мужики, — при советской власти такое случалось, когда атомную электростанцию запускали. А теперь свиноферму открывает министр. Чудеса.

8.

Через два месяца Андрей Степанович собрал у себя в доме родню.

— Не будут они памятник восстанавливать. Все обещанные сроки прошли, а никто палец о палец не ударил. Самим надо.

— А как самим? Не дадут, полицию нагонят. Что мы против дубинок? Да и не поднять уже народ. Перегорели. Кого споили, кого купили за это время.

— А и не надо народ, сами управимся, своими силами, по-семейному.

— Это как? — устались на Андрея Степановича сыновья и внуки.

— Ночью, по-тихому, в выходной, пока движения нет. Завезем кирпич, я со своей пенсией отложенной деньги вам выделю, намешаем раствора и по-быстрому поставим. Место там безлюдное, никто нас за работой не увидит. Справимся.

— Что, прямо среди перекрестка на дороге и поставим?

— Именно так, прямо посреди перекрестка, как раньше стоял.

— Так снесут же утром.

— Не снесут, не посмеют. Что они, самоубийцы, что ли?

— Эх, дед, — тихо вздохнул кто-то из внуков.

9.

Утром проезд большегрузов и фур был напрочь заблокирован. Свежесложенный памятный знак из белого кирпича чуть возвышался на широкой отбетонированной площадке, которая делала перекресток совершенно непроезжим. На самом памятнике, как и раньше, черной краской было жирно написано: «На Берлин!!!» — и добавлено: «По-

беда будет за нами!». Возле монумента на табуретке, опираясь на трость, сидел старик, а рядом с ним, положив деду руку на плечо, стоял шуплый подросток, плотно сжавший губы. Стариковская куртка была расстегнута, и на пиджаке красовались звезда Героя Труда, ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, а также разные государственные медали за трудовые свершения прежних времен.

10.

В обед в сельпо бабы судачили полушепотом:

— Слыхали, деда-то, Андрея Степаныча, утром у перекрестка полицаи скрутили, и Андрюшку малого вместе с ним, в воронок запихнули и в район увезли. Андрюшка деда защищать пытался, так ему дубинкой по спине. Много ли малому надо, вроде потом из отделения в больницу отправили, а может, так болтают. А у Андрея Степаныча еще и медали из пиджака выдрали, говорят, и в землю втоптали. Пацаны, дружки Андрюшкины, потом из грязи их вынули и домой к деду снесли. Надо же, ночью вдвоем памятник заново поставили!

— И чего теперь с ими будет?

— Ну чего-чего? Ничего. Подержут для острастки денек-другой да домой отпустят. А что с них взять? Одному больше восьмидесяти, другому только пятнадцать стукнуло. Не сажать же их. Штраф выпишут деду, и хорош, хоть и орал глава района на них во все горло, когда к перекрестку приехал на своем джипе, что посадит обоих за экстремизм и терроризм, срока возраста там нет. Но скорее пугал от злости, что памятник, не спросясь у него, заново поставили. Да и памятник сразу почти разобрали, он еще застыть-то как следует не успел.

11.

У директора школы зазвонил мобильник. Юлия Владимировна посмотрела на экран телефона и внутренне сжалась от нехорошего предчувствия.

— Ну что, Юлечка, плохи твои дела, — раздался из динамика ехидный голос руководителя образования района, — фигово ты там у себя молодежь воспитываешь, вернее сказать, вообще не воспитываешь. Судя по всему, что такое патриотизм, в твоей школе не знают. А вот что такое «пятая колонна», ведают и всячески способствуют ее существованию. Ты знаешь, что твой Киреев тут учудил? Мало того, что со своим полоумным дедом чуть не провел экономическую диверсию в районе, так еще при всем честном народе Валентина Аркадьевича фашистом обозвал, сравнил его с Гитлером, а начальника ОВД полковника Хромова с предателем Власовым в один ряд поставил, назвав его главным прихвостнем и полицаем. Вот так-то вот.

— Татьяна Михайловна, — срывающимся голосом ответила Юлия Владимировна, — я-то тут при чем? Я ж не мать этому уроду. Была б матерью, он бы у меня и в мыслях...

— Мать не мать, а ответ тебе держать, — перебила директора начальница. — Развели у нас под носом Болотную площадь, ну так и отвечайте по всей строгости. Жди, скоро приедем.

— Сегодня? — побледнела директриса.

В ответ последовали короткие гудки.

12.

Заканчивая предпраздничное совещание, Баталов посмотрел на Татьяну Михайловну.

— А тебе, Татьяна, особое задание. Проконтролируй лично завтра ермаковскую администрацию и про школу не забудь. Посмотри там, как они на «Бессмертный полк»

выйдут, в каком виде, в каком составе. Их не предупреждай, что приедешь. Надо, чтоб все по-честному было, без подтасовок. А то прикидываются патриотами, а на деле — сплошные экстремисты. Несанкционированные митинги, забастовки, оскорбление властей, сопротивление полиции, строительство незаконных объектов, попытки срыва госзаказа. Какое-то осиное гнездо, надо с ним кончать и не нянькаться.

— Валентин Аркадьевич, ну почему во всенародный праздник я должна ехать к этим извращенцам, а не быть рядом со своими друзьями, коллегами и соратниками! За что мне такое наказание? Это несправедливо.

— Татьяна, не переживай, сгоняешь в Ермаково на полчаса, помотришь, посчитаешь — и назад. Мы без тебя за стол не сядем, слово даю, дождемся, — улыбнулся Баталов расстроенной женщине и повернулся к остальным своим замам. — Итак, завтра жду всех у администрации в назначенное время. Прийти с семьями, шарами, цветами и портретами своих героев. Пройдем, так сказать, по главной улице с оркестром, почтим память своих предков. Память — это главное. Без памяти нет будущего.

13.

В ночь на девятое мая на дороге, убегающей от ермаковского перекрестка прямо на восток, появилась огромная надпись, сделанная белой краской: «На Москву!».

14.

Дед Андрей сидел на склоне холма и замороженно смотрел вниз на дорогу, по которой нескончаемым потоком шли и шли солдаты в сторону восхода солнца. Сердце старика потеряло привычный ритм, утратило скорость движения и вот-вот собиралось остановиться.

— Андлейка, Андлейка, — теребил дедову штанину его закадычный дружок Вовка, — куда-то они?

— Туда, — тяжело вздохнул Андрей Степанович, наблюдая за чеканным шагом пехотинцев.

— А ты сплоси их, сплоси, интелесно ж, кого воевать идут?

— Сынки, — с большим трудом поднялся с земли дед Андрей, — куда путь держите?

— На восток идем, отец, на восток.

— Почему на восток?

— Своих супостатов из Отечества изгонять, всех тех, кто повылазили из всяких щелей, пока нас не было, и теперь над Родиной изгаляются.

— С Богом, сынки, с Богом! — перекрестил воинов Андрей Степанович. — Возвращайтесь с победой!

— Спасибо, отец! Вернемся!